

Последний Крылов

II

Андрей Толстых

Андрей Толстых
Последний Крылов 2

«Автор»

2026

Толстых А.

Последний Крылов 2 / А. Толстых — «Автор», 2026

Он был обычным московским школьником. Глупым, самоуверенным – и мёртвым. Выстрел в спину, последний выдох, и чей-то ледяной голос: «Душа-16-насильственная-аномалия-112. Открываю переход в мир "Земля 1205"». Очнулся Сергей в теле шестнадцатилетнего дворянина Максима Крылова. Род почти угас. Имение в долгах. Бабушка продаёт последние семейные реликвии, чтобы прокормить внука. А за дверями ждут не только кредиторы и люди из Магистрата, но и те, кто убил родителей Максима. Чтобы выжить, придётся стать сильнее. Учиться магии, тренироваться с мечом, собирать союзников. И понять, почему ему дали второй шанс. Последний Крылов не сдастся. Даже если весь мир против него.

© Толстых А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пленник	5
Глава 2. Магистрат	9
Глава 3. Столица	12
Глава 4. Справедливость	16
Глава 5. Сборы	18
Глава 6. Чужая игра	22
Глава 7. Неожиданный попутчик	25
Глава 8. Большая кружка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Толстых

Последний Крылов 2

Глава 1. Пленник

Дорога от «Горок» до Верхнего Новгорода растянулась на два дня.

Отряд двигался медленно – связанный граф Рылеев плохо держался в седле, его пришлось приторочить к лошади верёвками, чтобы не упал. Княжеские бойцы, которых прислал Владимир Светлов, держались по бокам и сзади, готовые в любой момент отразить нападение – хотя нападения ждать было неоткуда. Люди Рылеева либо погибли, либо разбежались.

Максим ехал впереди, рядом с Марией. Вадим замыкал колонну, то и дело поглядывая на пленника. Алиса бежала чуть впереди.

– Он слишком спокоен для пленника, – сказала Мария, кивая на графа.

– Заметил, – ответил Максим. – Всю дорогу молчит. Ни слова, ни просьбы, ни угрозы. Будто его это не касается.

– Может, смирился?

– Рылеев? – Максим покачал головой. – Не похож он на того, кто смиряется.

Сзади слышался шорох. Граф, который до этого безжизненно болтался в седле, поднял голову и посмотрел на Максима. Глаза его – серые, с красными прожилками от бессонницы – смотрели устало, но с какой-то странной насмешкой.

– Не смирился, – сказал он, услышав разговор. – Просто понимаю, что вы – мошки, которым чудом удалось свалить тигра. Радуйтесь, пока можете.

– Не переживай, Владимир Александрович очень обрадуется, когда я привезу ему такого кота в мешке, – спокойно ответил Максим. – Князь разберётся.

Граф усмехнулся – криво, с кровью на губах.

– Князь? – переспросил он. – Князь передаст меня магистрату. А в магистрате, Крылов, я не доживу до суда. У меня слишком много врагов. И слишком много тех, кто боится, что я расскажу лишнего. Они сделают всё, чтобы я не заговорил.

– Вы уже говорили, – заметил Максим. – В «Горках». Признались в убийстве моих родителей.

– Признался вам, – поправил граф. – А вы кто? Студент, который не может защитить даже своих близких. Ваши слова ничего не стоят. Без доказательств, без свидетелей, без письменных признаний, заверенных магистратом, вы – никто.

Мария сжала поводья так, что побелели костяшки.

– Заткнись, – сказала она.

– Мария Владимировна, – граф склонил голову в насмешливом поклоне. – На кой вам этот недобарин? Я бы на вашем месте выбрал жениха побогаче. Этот, – он кивнул на Максима, – долго не протянет. Слишком много на себя берёт и мало думает.

– Я сказала – заткнись, – повторила Мария, и в голосе её зазвенел металл.

Граф замолчал. Но продолжал улыбаться – той самой улыбкой, от которой хотелось вытереть лицо.

Вадим, ехавший сзади, сплюнул на снег.

– Слушай, Крылов, – сказал он, – может, оставим его в лесу волкам? А князю скажем, что сам сбежал?

– Я б с радостью, – ответил Максим. – Но он нам нужен живым.

– Нужен, – согласился Вадим. – Но как же бесит.

Первый день прошёл без происшествий. К вечеру разбили лагерь в небольшой ложбине между холмами, защищённой от ветра. Княжеские бойцы выставили караульных, развели костёр, согрели похлёбку.

Графа привязали к толстой сосне – подальше от огня, чтобы не согрелся, но и не замёрз насмерть. Он не жаловался, не просил еды, только смотрел на огонь пустыми глазами.

– Спите, – сказал он, когда бойцы начали расходиться по местам. – Всем нужен отдых.

– Заботливый какой. – саркастично усмехнулся один из стражников.

– Ты умрёшь первым, – усмехнулся граф. – Сразу, как только меня отпустят.

Ночью Максима разбудил крик.

Он вскочил мгновенно, не успев даже понять, где находится. Рядом заворочался Вадим, где-то слева звякнул меч – княжеские бойцы просыпались. Алиса, спавшая у него на груди, выгнулась дугой и зашипела.

– Что там? – крикнул Вадим.

Ответом был второй крик – и звук падающего тела.

Максим выхватил меч и бросился туда, где был привязан граф. В темноте он увидел две фигуры: одна лежала на снегу неподвижно, вторая стояла над ней, держа в руке окровавленный клинок.

Сосна, к которой привязывали Рылеева, была пуста. Верёвки валялись на земле – перерезанные или разорванные, Максим не разглядел.

– Рылеев! – закричал кто-то. – Рылеев освобовился!

Граф стоял у дерева, отряхивая снег с колен. В руке он держал меч одного из убитых стражников. Двое княжеских бойцов лежали на земле – один у сосны, второй в нескольких шагах, там, где его настигла смерть, когда он попытался закричать.

Быстро. Почти беззвучно. Профессионально.

– Убивать – не самое трудное, – сказал граф, заметив Максима. – Труднее оставить врага в живых, без ущерба для своих людей. И вы не справились.

– Зачем? – спросил Максим, поднимая меч. Бойцы окружали поляну, но никто не решался напасть первым.

– Зачем? – граф усмехнулся. – Ты серьёзно? Меня везут на смерть. Я не хочу умирать в магистратском подвале, там я не протяну и суток. Лучше умереть в бою. С оружием. Как мужчина.

– Ты убил моих родителей, – сказал Максим. – Ты посылал на меня наёмников. Ты напал на мой дом. Ты – убийца. У тебя нет чести. Ты заслужил свою участь.

– Ошибаешься, – просто ответил граф. – Я уйду на своих условиях. И прихвачу с собой как можно больше твоих людей.

Он перевёл взгляд на Вадима, который выбежал из темноты с горящими руками.

– Ты, – сказал он. – Огонёк. Ты слабее Крылова, но злее. Иди сюда. Я поучу тебя разговаривать со старшими.

Вадим замер на секунду, потом усмехнулся.

– Не тебе меня учить, старик.

– Посмотрим, – граф сделал шаг вперёд. – Но я хочу умереть в бою. А ты – единственный здесь, кто может дать мне хороший бой. Крылов – менталист, он слишком осторожен. Ты – пиромант. Ты быстр. Ты горяч. Иди.

– Не ходи, – сказал Максим. – Он тебя убьёт.

– А если я откажусь? – спросил Вадим, не отводя глаз от графа.

– Тогда я убью кого-нибудь ещё, – граф кивнул на тела у своих ног. – Или ты думаешь, что я уйду забрав только двоих?

Вадим вздохнул, сжал кулак на одной руке и создал огненный шар в другой.

– Мать твою, – сказал он и шагнул вперёд.

Граф поднял руку.

Воздух вокруг Вадима сгустился, уплотнился, придавил к земле. Пиромант упал на колени, потом на бок, хватая ртом воздух. Огненный шар погас, не долетев до цели.

– Лежи, – сказал граф. – Я не хочу убивать тебя быстро. Я хочу, чтобы ты смотрел.

– Отпусти его, – крикнул Максим, бросаясь вперёд.

Рылеев даже не повернулся. Взмах рукой – и Максима отбросило назад воздушной волной, приложив о ствол сосны. В голове зашумело, перед глазами поплыли искры. Алиса, выпавшая из сумки, запищала, заметалась, но граф не обратил на неё внимания.

– Ты – после, – сказал он Максиму, не оборачиваясь. – Сначала – он.

Вадим лежал на снегу, придавленный невидимой плитой. Кости его не ломались – граф контролировал силу, – но давление было таким, что пиромант не мог ни вздохнуть, ни пошевелиться. Из горла его вырвался жалобный, сдавленный звук – не крик, не стон, что-то среднее.

– Нравится? – спросил граф, нависая над ним. – Я мог бы раздавить тебя как жука. Но не хочу. Я хочу, чтобы твой друг посмотрел, как ты будешь умирать медленно.

Максим собрался. Земля ушла из-под ног, но разум оставался ясным. Он закрыл глаза, отключил всё лишнее – боль, страх, шум битвы – и потянулся к сознанию графа.

Ментальный щит Рылеева был крепок. Не таким, как у наёмников – грубым и топорным, – а гибким, живым, текучим. Граф был опытным бойцом, он умел защищаться от ментальных атак. Его разум скользил, уходил, перестраивался, не давая зацепиться.

– Не выйдет, – сказал граф, чувствуя попытки Максима. – Ты силен, Крылов, но сыроват. Год-другой – и ты стал бы опасен. А сейчас – ты мне не соперник.

Он усилил давление на Вадима. Пиромант застонал громче, его лицо покраснело, на губах выступила пена.

– Отпусти его, – повторил Максим, пытаясь пробить щит.

– Нет, – граф улыбнулся. – Не нравится спектакль?

И в этот момент из темноты вылетела Мария.

Она не стала применять магию – на это не было времени. Она подбежала к телу убитого стражника, выхватила его меч и занесла над головой.

Граф почувствовал движение – слишком поздно. Он попытался развернуться, выставить воздушный щит, но Мария уже опустила клинок.

Меч вошёл в спину Рылеева между лопаток. Точно. Без колебаний.

Граф охнул, выпустил контроль над Вадимом, и воздушная подушка исчезла. Пиромант судорожно вдохнул, закашлялся, отполз в сторону. Рылеев постоял секунду, глядя на лезвие меча, торчащее из груди, потом медленно осел на снег.

– Ты... – прошептал он, глядя на Марию.

– Я, – сказала она. – Не нравится спектакль?

Граф хотел сказать что-то ещё, но изо рта пошла кровь. Он упал на бок, потом на спину, и глаза его остекленели.

Максим подошёл, опустился на колени. Потрогал шею – пульса не было.

– Мёртв, – сказал он.

– Я убила его, – сказала Мария. Голос её не дрожал, но руки тряслись. – Я... я не хотела. Но он бы убил Вадима.

– Ты спасла его, – ответил Максим. – Ты спасла нас всех.

Вадим, сидя в снегу, растирал лицо ладонями.

– Никогда, – сказал он хрипло, – никогда больше не ввязывайтесь в мои драки. Я бы сам справился.

– Ты лежал под воздушной плитой и пускал слюни, – заметил Максим.

– Это была военная хитрость, – огрызнулся Вадим. – Я ждал, когда он ослабит хватку.

– Он не собирался её ослаблять.

– А ты откуда знаешь?

– Потому что я менталист, – устало сказал Максим. – Я пытался увидеть его мысли.

– Ну и как, успешно увидел? – спросил Вадим.

Максим помолчал.

– Не очень, – признал он.

Княжеские бойцы подошли к телу графа, молча перевернули его. Двое убитых стражников лежали у сосны, и теперь их заворачивали в плащи, готовя к завтрашней дороге.

– Что скажем князю? – спросил Евдоким.

Мария вытерла меч о снег, вложила в ножны убитого стражника.

– Скажем правду, – ответила она. – Граф Рылеев освободился, убил двоих, напал на нас. Я защищалась.

– Он хотел умереть в бою, – добавил Максим. – Он это получил.

– Поехали отсюда, – сказал Вадим, поднимаясь. – Всё равно никто уже не спит. Можем до утра добраться до города.

Евдоким посмотрел на небо.

– Часа три-четыре пути, – сказал он. – Если не будем останавливаться.

– Тогда едем, – скомандовал Максим.

Он подошёл к Алисе, проверил – лисёнок сидел спокойный, взъерошенный, но целый. Погладил её по голове.

– Всё хорошо, – сказал он. – Всё кончено.

Алиса чихнула и отправилась вперёд.

Отряд двинулся в путь, оставив за спиной поляну, забрав с собой два тела товарищей и труп человека, который хотел умереть как воин.

Нельзя сказать, что граф погиб, как герой. Но, может быть, это было справедливо, после всего, что он сделал.

Глава 2. Магистрат

Кабинет старшего магистра Антона Гавриловича Меньшикова находился в самом сердце здания Магистрата – на третьем этаже, с окнами, выходящими на Соборную площадь. Стены здесь были обиты тёмным деревом, вдоль них тянулись стеллажи с папками и свитками. Сам Меньшиков сидел за массивным столом, заваленным бумагами, и смотрел на двух подчинённых, стоявших перед ним навывтяжку.

Первый – господин следователь Пётр Афанасьевич Сеницын, тот самый, что вёл допрос Максима Крылова несколько месяцев назад. Второй – начальник городской стражи Ефим Борисович Колычев, грузный мужчина с красным лицом и потными ладонями.

– Безмозглые шакалы, – сказал Меньшиков, и голос его прозвучал негромко, но от этого казался ещё страшнее. – Вы понимаете, что вы наделали?

Сеницын побледнел. Колычев промокнул лоб платком.

– Ваше превосходительство, мы действовали по инструкции...

– По инструкции? – Меньшиков приподнял бровь. – Инструкция предписывает арестовывать менталистов без разбирательства? Инструкция предписывает вырывать ногти шестнадцатилетнему дворянину, чей род внесён в Золотую книгу империи?

– Он был замешан в убийстве Савелия Медведева, – попытался оправдаться Сеницын. – Беспорядки в городе, трупы на улицах...

– Беспорядки, которые устроил Савелий, напав на Крылова и его людей, – отрезал Меньшиков. – У нас были показания свидетелей. У нас было заявление, поданное Крыловым за несколько дней до событий. У нас были все основания не трогать его. А вы что сделали? Вы схватили его, посадили в камеру, пытали. И если бы не Громы, которые вмешались неизвестно откуда, мы бы сейчас имели труп единственного менталиста в губернии.

– В той камере сидели государственные преступники, – подал голос Колычев. – Он мог быть один из них.

– Он был среди них потому, что ваши люди закинули его туда, не разбирая, кто свой, кто чужой! – Меньшиков повысил голос. – Вы упустили настоящих преступников – тех, кто напал на Крылова, – а главного свидетеля засадили в подвал. Я до сих пор расхлёбываю эту кашу.

Он замолчал, давая подчинённым время осознать глубину их вины. В кабинете стало тихо – только бумаги шуршали под порывами ветра из приоткрытой форточки.

– Что слышно о Рылееве? – спросил наконец Меньшиков.

Сеницын и Колычев переглянулись.

– Граф... не выходил на связь, – осторожно сказал Сеницын. – Последнее сообщение от его людей было три дня назад. Они подтверждали, что Крылов выехал в имение.

– И с тех пор – ничего?

– Ничего, ваше превосходительство. Ни голубя, ни гонца.

Меньшиков откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы.

– Рылеев не присылал вестей, – сказал он медленно. – Это значит одно из двух: либо он мёртв, либо в плену. И то и другое – плохо.

– Почему плохо? – не понял Колычев.

– Потому что если Крылов – или кто-то из его людей – взял графа живым, то он может заговорить. А Рылеев знает слишком много. О нас. О наших планах. О том, что мы ищем в «Горках».

– Это щенок не одолел бы графа... – начал Сеницын.

Меньшиков посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

– А если всё же смог? – сказал он. – А Рылеев знает об ордене. И если он расскажет Крылову о подземелье...

Он не закончил. В кабинете снова повисла тишина – плотная, тревожная.

– Что там может быть важного? – тихо спросил Колычев.

– Орден Смерти, – так же тихо ответил Меньшиков. – Тёмные маги, изгнанные из империи полвека назад. Их последнее убежище находилось где-то в здешних землях. По документам, которые нам удалось изъять, вход был где-то в районе «Горок».

– И вы думаете, Крылову хватит мозгов его найти?

– Я думаю, что если он найдёт, у всех нас будет много проблем. У Магистрата – в первую очередь. Потому что император не простит, если узнает, что мы годами скрывали существование этого подземелья, надеясь добраться до него первыми.

Меньшиков встал, подошёл к окну. На Соборной площади толпился народ, купцы зазывали покупателей, где-то вдалеке кричал оруженосец, потерявший хозяина. Обычная городская жизнь, которая текла своим чередом, не зная о том, что решается в этом кабинете.

– Император, – сказал он, не оборачиваясь, – не знает, что Крылов жив. Более того – он не знает, что дар мальчика не просто сохранился, а стал сильнее.

– Но мы докладывали... – начал Сеницын.

– Молчать! Вы докладывали, что наследник угасшего рода Крыловых скончался от горячки, – перебил Меньшиков. – Так было написано в вашем рапорте. Я тогда ещё подумал: хорошо, одним менталистом меньше. А теперь выясняется, что он жив, здоров и его дар развивается.

Он повернулся к подчинённым.

– Менталистов в империи осталось девятнадцать. Вместе с Крыловым. Раньше было двадцать, но Савелий Медведев облажался, и мы лишились ещё одного.

– Савелий был слабым менталистом? – удивился Колычев.

– Но он был, – коротко ответил Меньшиков. – Слабый, необученный, но был. Его задача была прибрать к рукам «Горки» тихо, без шума. А он начал угрожать, нанимать бандитов, влез в открытую конфронтацию. Итог вы знаете – труп, огласка, куча проблем. И теперь этот Крылов... если он найдёт подземелье, если он докопается до правды о смерти отца, если он обратится к императору...

Он не договорил. Подошёл к столу, опёрся ладонями о столешницу.

– До конца года «Горки» должны стать территорией Магистрата. Любым способом. Крыловы должны или быть под нашим контролем, или исчезнуть. Тихо. Без лишнего шума. Чтобы никто не задавал вопросов.

– А как же князь? – спросил Сеницын. – Светлов не отдаст земли просто так.

– С князем я договорюсь, – Меньшиков усмехнулся. – У него есть слабости. Дочь, например. Или амбиции. В конце концов, мы предложим ему выкуп за Рылеева. Если граф у Крылова, то его точно доставят князю.

– Вы уверены, что граф у него? – спросил Колычев.

– Если бы Рылеев был мёртв, мы бы уже знали. Если бы он сбежал – он бы вышел на связь сам. Значит, он в плену. У кого? У Крылова. А Крылов везёт его к князю, потому что не знает, что с ним делать дальше. Значит, граф сейчас в руках Светлова.

Меньшиков выпрямился, одёрнул мантию.

– Ваша задача, – он посмотрел на Сеницына, – связаться с людьми князя. Узнать, жив ли граф, где он, что говорит. И подготовить предложение о выкупе. Рылеев знает слишком много, чтобы болтаться в тюрьме или, не дай бог, давать показания.

– А если князь откажется?

– Не откажется, – Меньшиков покачал головой. – Князь – прагматик. Он понимает, что граф – государственный преступник, и Магистрат имеет полное право забрать его для дальнейшего разбирательства. Мы просто... ускорим процесс.

Он махнул рукой, показывая, что разговор окончен. Синицын и Колычев попятились к двери.

– И запомните, – добавил Меньшиков, когда они уже взялись за ручку. – В следующий раз, когда вы решите, что можете действовать без моего ведома, я лично прослежу, чтобы ваши головы украсили стены Магистрата. Вместе с головами ваших семей.

Дверь закрылась. Меньшиков остался один.

Он подошёл к окну, посмотрел на суеющийся город.

– Идиоты, – сказал он в пустоту. – Вечно приходится работать с идиотами, которые не способны видеть дальше, чем на шаг вперёд.

Глава 3. Столица

Город встретил их серым утренним небом и мелким снегом, который сыпался с такой настойчивостью, будто хотел замести все следы ночного происшествия. Отряд въехал в Верхний Новгород через восточные ворота, когда только начало светать. Стражники на карауле, узнав княжеских бойцов, пропустили без вопросов.

Вадим, всю дорогу просидевший в седле с мрачным видом, первым нарушил молчание.

– Я в Академию, – сказал он, спешиваясь у первых переулков. – Мне нужно отоспаться, отмыться и забыть, что последние дни вообще существовали.

– Забыть не получится, – заметил Максим.

– Попытаюсь, – Вадим зевнул, потрепал Алису по голове и пошёл в сторону общежития, даже не оглянувшись.

Алиса, оставшись без его тёплой ладони, потёрлась о ноги Максима, потом о ноги Марии, потом снова о Максима, будто проверяла, все ли на месте.

– Она устала, – сказала Мария. – И замёрзла. Лисы, конечно, выносливые, но снег по брюхо – не лучшее развлечение.

– Пусть остаётся во дворе у отца, – ответил Максим. – Там тепло, накормят. А мы – к князю.

Мария кивнула. Евдоким и оставшиеся бойцы подхватили тело графа, завернутое в плащ, и отряд двинулся к княжескому дворцу.

Княжеский дворец на Княжьей горе казался высеченным из цельного куска серого камня. Его стены помнили не одно поколение правителей, а тяжёлые дубовые ворота, окованные железом, могли выдержать осаду. Сегодня они были распахнуты – слуги сновали туда-сюда, кто-то таскал дрова, кто-то выгребал снег с дорожек. Жизнь текла своим чередом.

Алиса, войдя во двор, сразу же унюхала кухню. Она обнюхала крыльцо, покрутилась на месте, посмотрела на Максима – мол, можно? – и, не дождавшись ответа, потрусила в сторону тёплого пара, поднимавшегося из отдушины.

– Присмотрите за ней, – попросил Максим одного из слуг. – Не обижайте. Она умная.

– Конечно, барин, – поклонился слуга, хотя лиса в княжеском дворе была зрелищем необычным.

Максим, Мария, Евдоким и двое бойцов с телом графа поднялись на крыльцо. Охранник у двери узнал княжескую дочь и пропустил без доклада.

Кабинет князя Владимира Александровича Светлова находился на втором этаже, в конце длинного коридора. Стены здесь были обиты тёмно-зелёным сукном, вдоль них висели портреты предков – суровых мужчин и женщин с одинаковым княжеским надменным взглядом. Откуда-то из-за двери доносились голоса: один – княжеский, низкий, раздражённый; второй – незнакомый, вкрадчивый, с масляными нотками.

– ...вы не имели права, – говорил князь. – Это мои земли. Мои люди.

– Ваша светлость, – отвечал второй, – Магистрат действует в интересах империи. Император дал нам полномочия...

– Император дал вам полномочия расследовать преступления, связанные с государственной изменой. А здесь – обычный долговой спор, который вы раздули до небес. Ещё и с участием Крылова. Вы обязаны были доложить о конфликте менталистов.

– Савелий Медведев был не просто кредитором...

Максим толкнул дверь.

Кабинет был просторным, с высокими окнами, выходящими на Соборную площадь. У одного из них, заложив руки за спину, стоял князь Владимир Александрович – седой, коренастый, в строгом тёмном кафтане. Напротив него, у стола, топтался тощий человек в серой мантии магистратского чиновника.

Князь обернулся на звук, заметил дочь, Максима и тело, которое несли бойцы.

На лице его на мгновение мелькнуло удивление, потом досада, а потом – что-то похожее на удовлетворение.

– Обстоятельства немного изменились, – сказал он, поворачиваясь к магистратскому чиновнику. – Можете забирать тело вашего графа. Он был нужен мне живым. Мёртвый он мне без надобности.

Чиновник, маленький и юркий, как хорёк, устоял на завёрнутый в плащ труп.

– Это... граф? – спросил он, хотя ответ знал и без вопроса.

– Он самый, – князь кивнул на бойцов. – Отнесите господину... как вас там? В Магистрат. Пусть разбираются.

– Меркулов, ваша светлость, – представился чиновник, но его уже никто не слушал.

Евдоким и его люди молча вышли, унося тело. Чиновник потоптался, понял, что говорить больше не о чем, и поспешил следом, на ходу доставая платок и промокая вспотевший лоб.

Когда дверь закрылась, князь посмотрел на Максима.

– Живой? – спросил он сухо.

– Живой, – ответил Максим. – Ваши люди помогли. Без них мы бы не справились.

– Хорошо, – князь усмехнулся. – Теперь расскажешь что там вообще произошло.

Максим рассказал.

Коротко, по делу, без лишних эмоций. О том, как они добрались до «Горок». О том, как граф вышел к нему с предложением. Об отказе. О битве, иллюзии с драконами, вмешательстве бабушки и пленении Рылеева. О дороге обратно. О побеге графа, убитых стражниках и том, как Мария заколола его мечом.

Князь слушал молча, не перебивая. Иногда его взгляд скользил к дочери, но ни упрёка, ни гордости в нём не было – только тщательно скрываемая тревога.

– Рискованно, – сказал он, когда Максим закончил. – Всё, что вы сделали – рискованно. Но результат есть.

– Граф мёртв, – сказал Максим. – Он больше никому не навредит.

– Мёртвый граф – это хорошо, – князь прошёл к столу, сел в кресло. – Но живые враги – плохо. Рылеев был не один. За ним стояли те, кто давал ему деньги, людей, информацию. Они не успокоятся.

– Я знаю, – ответил Максим.

– Тогда слушай дальше, – князь взял со стола лист бумаги, исписанный каллиграфическим почерком. – Я связался со столицей. По телефону.

– С императором? – уточнила Мария.

– С его секретарём, – поправил князь. – Но императору доложили. Император хочет тебя видеть.

Максим не сразу нашёлся, что сказать.

– Меня? – переспросил он.

– Тебя, – подтвердил князь. – Молодого барона, который победил аэроманта и раскрыл заговор. Ему доложили о твоих подвигах. Кратко, без лишних подробностей. Теперь он хочет познакомиться лично.

– Но зачем?

Князь посмотрел на него долгим взглядом.

– Менталистов в империи осталось девятнадцать. Включая тебя. Раньше было двадцать, но Савелий... впрочем, это уже не важно. Император заинтересован в том, чтобы такие люди были при дворе. Или, по крайней мере, лояльны.

– Я не собираюсь служить при дворе, – сказал Максим. – Моё место – в «Горках». Род нужно поднимать.

– Род поднимать – это хорошо, – не стал спорить князь. – Но от визита к императору не отказываются. Это не просьба, Крылов. Это приглашение, которое лучше принять.

Мария, молчавшая до этого, подошла к отцу.

– Когда? – спросила она.

– Дорога до столицы неблизкая, – сказал князь. – От Верхнего Новгорода до Санкт-Петербурга путь займёт недели две, если повезёт с погодой. Император хочет видеть его до конца зимы.

– Я успею? – спросил Максим.

– Если будешь расторопным, – князь взял со стола другой лист. – Экзамены в Академии я перенёс на ближайшую неделю. Сдашь досрочно. На подготовку к дороге даю ещё неделю. Итого – две недели. Потом выезжаете.

– Мы? – переспросил Максим.

– Ты, моя дочь и пара бойцов для охраны, – князь посмотрел на Марию. – Она поедет с тобой. Как представитель княжеского дома. И как... я надеюсь... ответственный человек.

Мария не стала спорить. Только кивнула.

– А Алиса? – спросил Максим.

– Кто? – не понял князь.

– Лиса.

Князь поморщился.

– Лису возмёшь с собой. Только чтобы в императорском дворце ничего не погрызла.

Он встал, подошёл к Максиму, протянул руку.

– Ты хорошо справился, Крылов. Лучше, чем я ожидал. Но это только начало.

Максим пожал руку.

– Спасибо, ваша светлость, – сказал он.

– Не за что, – князь отпустил руку, махнул в сторону двери. – Идите. Готовьтесь. Через две недели – в путь.

Максим поклонился и вышел. Мария задержалась на секунду.

– Спасибо, отец, – сказала она тихо.

– Не за что, – повторил князь, но голос его стал мягче. – Ради тебя стараюсь. Не ради этого балбеса – хоть какая-то польза от него будет.

– Зачем ты так снова, – сказала Мария, глядя отцу в глаза. – Ты помог, потому что посчитал это правильным. Даже если не хочешь признаваться.

Князь отвёл взгляд.

– Ступай, – сказал он. – Дел много.

Мария вышла в коридор, где её уже ждал Максим. Алиса, успевшая набегаться по двору, сидела у его ног и грызла подобранную с земли косточку.

– Разговор был сложным? – спросил Максим.

– Терпимо, – ответила Мария. – Но он согласился. Он поможет.

– Я заметил, – Максим посмотрел на закрытую дверь кабинета. – Хоть выглядит он довольно сурово.

– Он такой, – Мария улыбнулась. – Он делает добро и ругается при этом так, будто его грабят. Но внутри... внутри он нормальный. Просто старый и упрямый.

– Не такой уж старый, – заметил Максим.

– Для политика – старый, – ответила Мария. – Хватит об отце. У нас две недели, чтобы подготовиться к столице. Экзамены, сборы, дорога... И я не собираюсь ехать туда в том, что есть.

– У нас есть дела поважнее нарядов, – сказал Максим.

– Для женщины – нет, – отрезала Мария и пошла вниз по лестнице, громко цокая каблуками.

Алиса бросила косточку, посмотрела на Максима, потом на удаляющуюся Марию.

– Что? – спросил Максим.

Алиса чихнула и побежала за Марией.

Максим остался на лестничной площадке один.

Две недели. Экзамены. Дорога. Император. Столица. Почему не Москва? В этом мире даже без магии всё сложно. Что уж говорить про дар.

– Земля 1205, – прошептал Максим. – Что же ты такое?

Ответа не было. Внизу, во дворе, кричали слуги, ржали лошади, где-то далеко звонил колокол. Обычный день в Верхнем Новгороде, который ничего не знал ни о графе Рылееве, ни о магистрате, ни о юном менталисте, который через две недели отправится к императору, чтобы изменить свою судьбу – и, возможно, судьбу всей империи.

Максим вздохнул и пошёл вниз.

В конце концов, у него ещё есть две недели.

Глава 4. Справедливость

Ленка вышла на крыльцо, когда солнце только начинало подниматься над лесом.

Снег искрился, воздух был холодным и прозрачным, и если бы не тяжёлые мысли, она, наверное, даже улыбнулась бы такому утру. Но внутри всё ныло, как незажившая рана, и улыбка не получалась.

«Горки» просыпались. Арсений уже возился в кузнице – звон металла разносился по двору, привычный, успокаивающий. Клавдия Степановна хлопотала в доме, готовила завтрак. Пётр, Василий, Семён – те из дружины, кто остался в имении – обходили периметр, проверяли, не забрался ли кто за ночь. Ефим, старшой, с ними.

Имение жило своей жизнью. Без Максима. Без шума, который он приносил с собой.

Ленка присела на ступеньку, подтянула колени к подбородку.

Она почти не помнила другой жизни. «Горки» были её домом с самого детства – она родилась здесь, бегала босиком по этим дворам, лазила по деревьям за воротами. И Крыловы были здесь всегда – сначала старый барин, Сергей Михайлович, который мог часами рассказывать о гербах и родословных, потом его сын Сергей, тот, который погиб вместе с женой, а теперь – Максим.

Маленький задиристый мальчишка, который дразнил немного дразнил её в детстве. Потом – худой болезненный парень, которого бабушка откачивала отварами. Потом – сильный, взрослый, почти чужой, который за месяц превратился из умирающего в воина.

Который спас её от Ильи у мельницы.

Ленка помнила это до сих пор. Холодные пальцы Ильи на запястье, его масляный голос, близость стены, в которую он её прижал. Она тогда испугалась по-настоящему – не того, что он сделает что-то непоправимое (в конце концов, Илья был дурак и трус, но не насильник), а того, что никто не придёт. Никто не услышит. И вдруг – Максим.

Тогда он казался ей кем-то нереальным. Герой из сказки, который спускается с горы и наказывает злодея. Илья потом несколько дней ходил с синяками и злой, как цепной пёс, но больше к ней не лез. Боялся. Знал, что за неё есть кому заступиться.

Ленка улыбнулась воспоминанию, но улыбка вышла грустной.

Максим, конечно, не герой из сказки. Он обычный парень – упрямый, иногда слишком серьёзный, иногда по-детски наивный. Но добрый. Это она знала точно. Он переживал за бабушку, за Арсения, за неё – за всех, кто жил на его земле. Он рисковал собой, когда не надо было, лез в драки, где мог бы отсидеться. И делал это не ради славы или денег – просто потому, что по-другому не умел.

Он был красивым. Ленка это замечала – и то, как он держится, и как одевается (уже не в ту рваную рубаху, в которой очнулся после болезни, а в хорошие кафтаны, подаренные бабушкой или купленные в городе), и как смотрит – серьёзно, чуть исподлобья. Ухоженный, подтянутый. Не то что Илья с его вечно грязными ногтями и прокуренным голосом.

Но он считал её другом. Просто другом.

Ленка вздохнула, сжала пальцы. Друг – это хорошо. Друг – это не чужая. Но когда он сказал это тогда, в «Горках», после битвы с графом, у неё что-то оборвалось внутри. Она сделала вид, что приняла, улыбнулась – через силу, криво. А потом ушла к себе в комнату и проплакала половину ночи.

«Друг», – повторила она про себя. – «Хороший друг. Мне очень повезло, что ты есть».

Максим сказал это искренне. Он и правда так считал. Он не видел, как она смотрит на него, не замечал, как краснеет, когда он входит в комнату. Для него она была Ленкой – дочкой кузнеца, которая умеет стрелять из лука и не жалуется на трудности. Надёжной, удобной, своей.

И он выбрал не её.

Княжна.

Ленка поморщилась, как от кислого.

Мария Владимировна Светлова. Дочь самого князя Верхнего Новгорода. Красивая, ухоженная, с идеальными манерами и голосом, от которого хочется вытянуться по струнке. И при этом – учительница в Академии. Представляете, пришла работать, чтобы доказать, что она не просто «папина дочка». Фу, смотреть противно.

«Я не такая, как эти, я сама, – передразнила Ленка мысленно. – Сама, ага. А откуда за ней охраны полгорода таскается? Кто ей лошадей подарил? Кто её в Академию устроил?»

Конечно, не её папа. Князь Светлов, говорят, был против. Но всё равно – у неё были связи, деньги, возможности. А она делает вид, что такая же простая, как Ленка. Учительница, подумаешь. Студенты перед ней расшаркиваются, преподаватели уважают.

И Максим повелся. Как все мужики – увидел красивую женщину и потерял голову. Ленка видела их вместе – она тогда стояла у окна, когда Максим и Мария выходили со двора. Как он смотрел на неё. Как улыбался.

Он так на неё никогда не смотрел.

Ленка отогнала воспоминание.

Она не глупая. Она понимала, что княжна – это выгодно. Статус, связи, деньги. Максим – небогатый барин, ему нужно поднимать род, и родственники-дворяне помогут лучше, чем дочка кузнеца. Но не мог же он выбрать её только из-за этого? Ведь не мог?

– А может, и мог, – прошептала Ленка.

И от этой мысли стало ещё больнее.

Она поднялась, отряхнула юбку. Хватит ныть.

Ленка решила: она защитит Макса. Даже если он сам об этом не просит. Даже если думает, что не нуждается в защите. Княжна Мария Владимировна – не та, за кого себя выдаёт. Ленка чувствовала это нутром. В ней было что-то фальшивое, наигранное. Может быть, она просто охотится на именитого жениха? Может быть, ей нужны земли Крыловых? Может быть, отец велел?

В любом случае, Ленка докажет Максиму, что княжна не такая, какой он её видит.

Она придумает. У Ленки есть знакомые в городе – не такие знатные, как у княжны, но свои. Она узнает о Марии всё. Сплетни, слухи, тайны. Наверняка у той есть скелеты в шкафу.

А потом – потом она откроет Максиму глаза.

И тогда он поймёт, кто на самом деле его достоин.

Ленка улыбнулась сквозь слёзы. Твёрдо, зло, с вызовом.

– Ничего, – сказала она вслух. – Посмотрим, кто кого.

Из кузницы донёсся грохот – Арсений уронил молот. Ленка вздохнула, поправила платок и пошла помогать деду. В конце концов, у неё ещё есть дела и в «Горках».

Но мысли её были уже далеко – в Верхнем Новгороде, в Академии, в княжеском дворце.

И они были холодными, как зимний снег.

Глава 5. Сборы

Неделя пролетела как один миг – и одновременно растянулась на вечность.

Максим почти не вылезал из библиотеки. Он зубрил теорию ментальных полей, повторял классификации боевых заклинаний, на скорость решал практические задачи по магической анатомии. Экзамены в Академии были не самыми сложными в его жизни – пыточная в Магистрате и битва с графом-аэромантом оставили куда более глубокие шрамы, – но времени на подготовку было в обрез, а требований никто не снижал.

Именно здесь, среди пыльных фолиантов и конспектов, он наткнулся на то, что раньше как-то не приходило в голову искать. Справочник по магическим рангам империи.

Оказалось, что магия в этом мире – не просто «есть дар или нет». Она имеет чёткую градацию. Самые низшие – подмастерья, те, кто только начал обучение и способен на элементарные вещи. Выше – мастера. И у мастеров есть ступени: первая, вторая, третья, четвертая, пятая. Самые сильные – пятой ступени, их в империи можно пересчитать по пальцам.

Максим читал и не верил себе.

По описанию, Савелий Медведев, тот самый кредитор и убийца его отца, был мастером первой ступени. Не слабак, но и не вершина. А граф Рылеев – аэромант, с которым они сражались в «Горках», – мастер второй ступени. Это объясняло, почему он так легко отбрасывал ментальные атаки Максима. Разница в опыте и ранге была огромной.

И всё же они победили. Не один Максим, а все вместе – Вадим, Алиса, бабушка, Ленка, весь отряд. Но в одном из боёв, когда граф уже прижимал его к земле и нечем было дышать, Максим пробил его защиту. Не надолго, на секунду, но пробил.

В справочнике было сказано: менталист, способный противостоять магу второй ступени, даже с поддержкой, автоматически считается мастером первой ступени.

Значит, он теперь мастер. Максим Крылов, шестнадцатилетний студент из угасшего рода, которого ещё год назад хоронили соседи.

Он закрыл справочник, выдохнул и вернулся к подготовке к экзаменам. О рангах можно будет подумать потом. Сейчас главное – сдать.

Вадим, который тоже сдавал зачётную неделю, иногда подшучивал:

– Крылов, выше головы не прыгнешь. Расслабься. Всё равно не вытянешь на отлично.

– Я и не пытаюсь перепрыгнуть, – огрызнулся Максим. – Мне бы просто сдать.

Сдал он. Без блеска, без красных дипломов, но твёрдо. На четвёрки, где-то на тройки с плюсом. Преподаватель менталистики, старый профессор, который помнил ещё отца Максима, сказал:

– Крылов, вы не гений. Но вы упёртый. А в нашем деле упорство иногда важнее таланта. Зачёт.

Максим вышел из аудитории, выдохнул и тут же наткнулся на Вадима, который подпирал стену коридора.

– Ну? – спросил сосед.

– Зачёт, – ответил Максим.

– У меня тоже, – Вадим лениво улыбнулся. – И я еду с тобой.

– Куда?

– В столицу, куда же ещё. Думаешь, я оставлю тебя одного с этой компанией? Княжна, лиса, ты – скуотища. Со мной веселее, да и я развеюсь.

Максим немного расстроился. Не потому, что Вадим был плохим попутчиком – наоборот, весёлым и надёжным, – а потому что он надеялся, что дорога до Санкт-Петербурга

станет временем для разговоров с Марией наедине. Но возражать не стал. В конце концов, Вадим был прав: в одиночку путешествовать по зимним трактам глупо. К тому же, Макс вспомнил, что Машу без охраны не пустят.

– Ладно, – сказал Максим. – Но тогда поможешь с лошадьми.

– С какими?

– С теми, на которых мы поедem. Своих у нас нет, нужно покупать.

Князь встретил их в конюшне – лично, без слуг, в простом охотничьем кафтане. Он внимательно осмотрел Максима, потом Вадима, потом покачал головой.

– Денег много? – спросил он.

– Не очень, – честно ответил Максим.

– Тогда берите вон тех, – князь кивнул на пару лошадей в дальнем стойле. – Вороной и рыжий. Не быстрые, не красавцы, но здоровые. Дорогу выдержат. Да и знакомы вы с ними уже. Дешевле не найду.

Максим прикинул остатки компенсации от Магистрата, деньги, которые дала бабушка, и те крохи, что скопились с продажи старых вещей.

– Беру, – сказал он.

Князь назвал цену. Небольшую – настолько небольшую, что Максим заподозрил подвох.

– Почему так дешево? – спросил он.

– Потому что вы везёте мою дочь, – просто ответил князь. – А она мне дороже любых лошадей. Если с ней что-то случится, я сдеру с тебя шкуру. Но если она вернётся живой и невредимой, считай, что лошади – подарок.

– Спасибо, ваша светлость, – сказал Максим.

Князь махнул рукой и ушёл, не прощаясь.

Дорога до «Горок» заняла меньше двух дней.

Максим скакал впереди, рядом бежала Алиса – лиса давно привыкла к таким марш-броскам и не уставала. Вадим ехал следом, насвистывая какую-то дурацкую песенку про солдат и куртизанку. Мария замыкала колонну, иногда обгоняя их, чтобы обсудить маршрут по карте, которую дал князь. Впереди Максима же скакал Евдоким – один из охранников князя. Замыкающим был Валерий. Его вместе с Евдокимом отправили охранять княжну.

Снег подтаял, дорога стала грязной, но лошади шли бодро. Ночью останавливались в лесу. Разводили костёр, приготовили похлёбку и плотно поужинали. Дежурили по очереди. Это в городе титул важен, а здесь главное, чтоб все живы остались.

– Слушай, – спросил Вадим перед самым въездом в имение, – а твоя бабушка сильно злится?

– На что? – не понял Максим.

– На то, что ты уезжаешь. В столицу. К императору. Надолго.

Максим помолчал.

– Она не злится, – сказал он наконец. – Она переживает. Это разные вещи.

Клавдия Степановна ждала их на крыльце.

Она была в своём обычном тёмном платье, седая, прямая, с кочергой в руке – не для боя, так, на всякий случай. Увидев внука, она не побежала обниматься, только кивнула:

– Проходи. Рассказывай.

За столом, за небогатым, но сытным ужином, Максим рассказал всё. О графе, о битве, о Магистрате, о князе, о вызове к императору. Клавдия слушала молча, только пальцы её сжимали ложку чуть сильнее обычного.

– Титул, значит, – сказала она, когда он закончил. – Император жалуёт?

– Пока не знаю, – ответил Максим. – Может, просто хочет посмотреть.

– Посмотреть, – усмехнулась Клавдия. – На менталиста, который в одиночку свалил аэроманта такого уровня. Посмотреть, а потом забрать ко двору. Им такие нужны.

– Я не останусь в столице, – твёрдо сказал Максим. – Мой дом здесь.

Клавдия посмотрела на него долго, пристально, как смотрела когда-то на его отца перед его последним отъездом.

– Обещай, – сказала она.

– Обещаю.

Клавдия кивнула, встала, убрала со стола.

– Ты знаешь, – сказала она, вытирая руки о передник, – я горжусь тобой. Не потому, что ты мастер первой ступени. Не потому, что едешь к императору. А потому, что ты не сломался. Твой отец был сильным магом, но он отказывался принимать правила игры. А ты – нет.

– Какой игры? О чём ты? – Максим нахмурился.

Клавдия помолчала, потом махнула рукой.

– Не сейчас. Потом. Возвращайся живым – расскажу.

Она достала из-за печи узел.

– Карту возьмёшь у Арсения. Вяленого мяса я заготовила. Денег – сколько есть. А это, – она положила перед Максимом маленький кожаный мешочек, – возьми на самый крайний случай. Там не золото. Там земля с могилы твоего деда. Говорят, она хранит в дороге.

Максим взял мешочек, не развязывая.

– Спасибо, бабушка.

– Не за что, – ответила Клавдия и отвернулась к печи. – Не за что.

Утром, когда Максим уже заканчивал седлать коня, к нему подошёл Илья Шмелёв.

Тот самый Илья, который когда-то приставал к Ленке. Тот самый, который напал на дом с бандитами Савелия. Тот самый, который сидел в подвале «Горок» неделями, пока Крыловы решали, что с ним делать.

– Барин, – сказал Илья, не поднимая глаз. – Возьмите меня с собой.

Максим замер. Рука, затягивавшая подпругу, повисла в воздухе.

– Ты в своём уме? – спросил он.

– В своём, – ответил Илья. Он поднял голову, и в его глазах – наглых, с прищуром – Максим увидел что-то новое. Не вызов, не подлизывание. Что-то похожее на стыд. – Я не святой, барин. Я знаю. Я дураком был, руки распускал, за Савелием пошёл как пёс. Но я... я хочу быть полезным. Не за деньги, не за страх. Просто... интересно мне. Приключения эти ваши. Столица. Император. – Он помолчал, потом добавил тише: – И опыта набраться. Хочу не воровать, не разбойничать, а... жить как человек. Работать. Служить.

– Ты бывший бандит, – сказал Максим. – Кто будет следить за тем, что ты не ударишь в спину?

– Никто, – честно ответил Илья. – Но вы – менталист. Вы в голову залезть можете. Если что – убьёте. Или в магистрат сдадите. Риск минимальный.

Максим смотрел на него долго. Алиса, сидевшая рядом, наострила уши, принялась к Илье, чихнула – но не зарычала. Забавно, но даже зверь чувствовал, что этот человек и правда хочет поехать.

– Идём к бабушке, – сказал Максим. – Она решит.

Клавдия, выслушав Илью, долго молчала. Потом подошла к нему, заглянула в глаза.

– Мальчик, – сказала она, – ты и правда изменился. Или научился притворяться. Но мой внук – мастер. Он тебя раскусит быстрее, чем ты моргнуть успеешь. Если с Максом что случится, я тебя прокляну. Не в смысле «обижусь», а в смысле – настоящая магическая смерть. Слышишь?

– Слышу, – Илья побледнел, но не отступил.

Клавдия перевела взгляд на Максима.

– Решай сам. Ты теперь глава рода.

Максим вздохнул.

– Собирайся, – сказал он. – Лошадей у нас нет, так что поспрашивай у соседей. И если что – я тебя убью. Без магии, просто мечом. Понял?

– Понял, – Илья кивнул и побежал на поиски лошади

Вадим, стоявший у конюшни, проводил его взглядом.

– Он опасен, – заметил Вадим.

– Все мы опасны, – ответил Максим, затягивая подпругу. – Вопрос в том, куда мы направим эту опасность.

Мария, которая собирала вещи в доме, вышла на крыльцо.

– Илья едет с нами? – спросила она.

– Едет.

– Ты уверен?

– Нет, – ответил Максим. – Но выбора нет. Он прав: опытный человек в дороге не помешает.

Она покачала головой, но спорить не стала.

Они выехали, когда солнце только начинало подниматься.

Впереди – Максим на гнедом, за ним – Мария на своём вороном, которого прислал отец. Вадим с рыжим, украшенным собственноручно вырезанными на уздечке огненными символами. За ними Евдоким с Валерой. Илья замыкал колонну – он нашёл самую старую, самую медленную лошадь, но он не жаловался.

Алиса бежала рядом с Максимом, то обгоняя его, то возвращаясь, то скрываясь в кустах, чтобы проверить, не прячется ли там кто.

– До столицы – две недели, если повезёт, – сказала Мария, доставая карту. – Верхний Новгород, потом Переславль, потом Тверь, потом... потом Санкт-Петербург.

– Ты там была? – спросил Максим.

– Маленькой. С отцом. Не помню почти ничего.

– Я тоже не помню, – сказал Максим. И это было правдой. В его прошлой жизни Санкт-Петербург был городом трёх вокзалов, разводных мостов и белых ночей. В этой – столицей империи, которую он никогда не видел.

Дорога уходила в лес, и они въехали в утро.

Максим оглянулся на «Горки» – дом, кузницу, старые липы у ворот. Алиса, почувствовав его настроение, подняла морду и тихо фыркнула.

– Вернёмся, – сказал он ей.

Она чихнула – мол, конечно, вернёмся, куда мы денемся.

Глава 6. Чужая игра

Илья Шмелёв не помнил себя без Ленки.

Они росли в одном селе, бегали по одним дворам, лазали по одним деревьям. Только она всегда была другой – светлой, чистой, мило улыбалась. А он был грязным, драчливым, с вечно разбитыми коленками и отцом, который вместо ласковых слов отвешивал подзатыльники.

Отец у Ильи был суровый. Слова «любовь», «нежность», «забота» в их доме не звучали вообще. Была работа, была выпивка, были затрешины за провинности. Илья рос как трава – сам по себе. И когда внутри начало зарождаться что-то похожее на чувства к Ленке, он не знал, что с этим делать. Не умел говорить красиво, не умел ухаживать, не умел даже просто подойти и сказать: «Ты мне нравишься».

Вместо этого он делал то, что умел, – хвастался. Рассказывал, какой он сильный, какой смелый, какие у него знакомые и сколько денег он может достать. Думал, что если Ленка увидит в нём силу, то поймёт – лучшего парня ей не найти.

Она не понимала. Только отворачивалась и уходила.

А в тот день у мельницы, когда он уже почти её убедил (ну, почти, она хоть не убежала сразу), припёрся этот барин. Чёрт бы его побрал. Максим Крылов, которого все вроде как хоронили месяц назад, которого Илья считал хлюпиком и доходягой, вдруг встал между ними и сказал: «Отойди от девушки».

Илья тогда разозлился. Не столько от того, что его отодвинули, сколько от того, что это сделали при Ленке. При ней. При девушке, ради которой он старался, которой хотел показать себя настоящим мужчиной. А этот барин унизил его одним движением – подсечкой, захватом, несколькими словами, от которых у Ильи кровь застыла в жилах.

«Я повешу тебя на ближайшем дереве, без суда и следствия».

Илья тогда сбежал. Не потому, что испугался – потому, что понял: сейчас он проиграет. А когда вернулся с подельниками, чтобы взять реванш, всё пошло ещё хуже. Крыловы отбились, перебили половину его людей, а самого Илью с товарищами заперли в подвале.

Он сидел там неделями. Ждал расправы, ждал, что его сдадут магистрату или просто прибьют. Но Крыловы – старуха и этот барин – не тронули. Кормили, поили, даже не били. Условия были сносные. Сам факт, конечно, унижительный, но Илья уже тогда начал понимать: он ошибся. Крылов – не враг. Крылов – тот, кто может быть сильнее, но не давит. Тот, кто защищает своих. И Ленку – в том числе.

Злость прошла не сразу. Сначала была обида, потом глухое раздражение, потом – странное, непривычное смирение. Илья признал: да, Крылов его сильнее. Да, Ленка выбрала не его. Да, он дурак, что полез. Но внутри всё равно осталось что-то, что не давало покоя.

Ленка не переставала ему нравиться. Он видел её каждый день – когда выходил из подвала погулять под присмотром, когда помогал по хозяйству (бабка Клавдия заставила работать за кормёжку), когда она проходила мимо с коромыслом или вёдрами. Она не смотрела на него. Не замечала. Будто его не существовало.

Илья терпел. Ждал. Надеялся, что когда-нибудь она увидит в нём не хулигана и бандита, а человека.

А потом появилась княжна.

Мария Владимировна Светлова – красивая, ухоженная, с идеальными манерами. Илья сразу её невзлюбил. Такие, как она, смотрели на него как на грязь под ногами. Но Ленка – Ленка относилась к княжне ещё хуже. Илья замечал, как она отворачивалась, когда говорили о Марии. Как сжимала губы, когда та приезжала в «Горки». Как молчала, когда её имя звучало в разговорах.

И однажды Ленка подошла к нему сама.

Это был вечер, закат, снег подтаял, и воздух пах весной. Она стояла у кузницы, кутаясь в старый платок, и смотрела куда-то в сторону, не на него.

– Илья, – сказала она, – ты можешь решить один вопрос?

Он замер. Сердце забилося быстрее.

– Какой? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Княжна, – Ленка помолчала, потом добавила: – Она не нужна здесь. И Максиму она не нужна. Только он не понимает этого.

Илья нахмурился.

– Ты про что?

– Про то, что она наверняка его обманывает, – Ленка подняла глаза, и в них горело что-то твёрдое, злое. – Она играет с ним. А он, дурак, ведётся. Надо... решить вопрос.

Илья понял не сразу. А когда понял – внутри всё похолодело.

«Решить вопрос». В их кругах это означало одно. Убрать. Ликвидировать. Уничтожить. Ленка просила его убить княжну.

– Ты уверена? – спросил он.

– Уверена, – ответила она и ушла, не прощаясь.

Илья остался стоять у кузницы, глядя на закрытую дверь.

Она просила его об этом. Ленка. Девушка, ради которой он готов был на всё. Если он уберёт княжну, то докажет – не просто хулиган, не просто бандит, а тот, кто может решать большие вопросы. Тот, кто ради неё готов на всё.

А заодно спасёт барина от влияния этой коварной особы. Илья не любил Крылова, но уважал. Тот был сильным, правильным, жил по совести. Не заслужил, чтобы какая-то княжна крутила им как хотела.

Значит, нужно ехать в столицу.

Когда Максим объявил, что собирает отряд, Илья напросился первым. Сказал, что хочет быть полезным, хочет нового опыта, хочет искупить вину. Барин посмотрел на него долго – тем самым взглядом, от которого хотелось спрятаться, – но кивнул.

– Собирайся, – сказал он.

Илья собрался за час. Старый тулуп, запасная рубаха, нож за голенищем – всё, что у него было. Лошадь он нашёл, старую, медленную, но он не жаловался. Главное – ехать. Главное – оказаться рядом с княжной в нужный момент.

Он не знал, когда это случится. Не знал, как именно. Не знал, хватит ли у него духу. Но он обещал Ленке. А слово, данное ей, он держал.

Даже если оно означало убийство.

В дороге Илья держался тише воды, ниже травы.

Слушал разговоры, запоминал, кто есть кто. Евдоким – старый вояка, с ним лучше не связываться. Валерий – молодой, щуплый, в бою вряд ли опасен. Вадим – пиромант, огнём бьёт с руки, но болтлив и невнимателен. Мария – княжна, геомантка, сильная, но не воин. Если бить неожиданно, может и не успеть применить магию.

Алису жалко. Но в целом, если помешает – можно пнуть. Не убьёт, но отгонит.

Илья продумывал план. Не здесь, не сейчас – вдруг кто-то из спутников читает мысли (Крылов умеет, но он не лезет без дела, Илья это уже понял). На привале, у костра, когда все заняты своими делами.

Он ждал своего часа.

А ещё он думал о Ленке. О том, как она улыбнётся, когда узнает. Как посмотрит на него другими глазами – не с презрением, не с жалостью, а с уважением. С благодарностью. Может быть, даже с чем-то большим.

Ради этого стоило рискнуть.

– Ты чего задумался? – спросил Вадим, подходя к нему с котелком каши.

– О доме, – ответил Илья. – Скучаю.

– Привыкнешь, – Вадим хлопнул его по плечу и отошёл.

Илья проводил его взглядом.

«Ничего, – подумал он. – Скоро всё кончится».

Он даже не представлял, насколько ошибался.

Глава 7. Неожиданный попутчик

Дорога до Санкт-Петербурга обещала быть долгой. Максим знал это ещё до того, как они выехали из Верхнего Новгорода, но теперь, когда копыта его вороного мерно отбивали такт по грунтовой дороге уже третьи сутки, он начал понимать: путешествие – это не только приключение, но и суровое испытание терпения. Бесконечные поля сменялись перелесками, перелески – редкими деревушками, где крестьяне выходили на дорогу и провожали взглядом проезжающий отряд. Вооружённые всадники – для них это было событие, достойное долгих пересудов у вечернего костра.

Отряд двигался бодро. Впереди ехал Максим на своём вороном – том самом, на котором он прискакал в Верхний Новгород после битвы с графом Рылеевым. Конь был сильным, выносливым, с чёрной лоснящейся шерстью и умными глазами. Он словно чувствовал настроение хозяина и шёл ровно, без лишних рывков. Рядом с Максимом держался Вадим на своём рыжем – тот самый конь, на котором огненный маг ездил ещё в Академии. Рыжий был горячим, норовистым, но Вадим управлялся с ним легко, словно они были одним целым. Друзья перебрасывались короткими фразами, больше наслаждаясь дорогой, чем разговорами.

Чуть позади ехала Мария на своём княжеском коне – сером в яблоках, высоком и статном. Дочь князя держалась в седле уверенно, с той естественной грацией, которая даётся только тем, кто с детства привык к лошадям. Рядом с ней, чуть отстав, трусил Илья Шмелёв на старой лошади, которую выделил князь Светлов перед отъездом. Конь был неказистым, с облезлой гривой и усталыми глазами, но Илья не жаловался – он вообще вёл себя тихо, что было странно для человека, который ещё недавно врывался в дома с топором наперевес. Максим краем глаза наблюдал за бывшим хулиганом: тот часто поглядывал в сторону Ленки, которая осталась в «Горках», и вздыхал. Видимо, просьба решить вопрос с княжной давила на него тяжелее, чем он показывал.

Замыкали отряд двое княжеских бойцов – Евдоким и Валерий. Евдоким был седоусым ветераном, чьё лицо пересекали глубокие морщины, а глаза смотрели с той спокойной уверенностью, которая приходит только после десятков боёв. Он сидел в седле прямо, словно аршин проглотил, и постоянно оглядывал окрестности – старый воин, привыкший не доверять тишине. Валерий был моложе, но тоже выглядел опытным бойцом – поджарый, молчаливый, с цепким взглядом, который отмечал каждую деталь. Оба были в княжеской форме, и их присутствие придавало отряду солидность. Максим чувствовал себя увереннее с ними – не потому, что не мог защитить себя сам, а потому что знал: в трудный момент эти двое не дрогнут.

А ещё с ними бежала Алиса. Лиса появилась в отряде неожиданно – просто вышла из леса на второй день пути, посмотрела на Максима своими хитрыми жёлтыми глазами и побежала рядом. Вадим сначала удивился, потом рассмеялся.

– Она тебя не бросит, – сказал он. – Лисы вообще верные, если им довериться.

Максим не знал, насколько это правда, но Алиса действительно не отставала. Она бежала вдоль дороги, иногда отвлекаясь на птиц или полевых мышей, но всегда возвращалась. Её рыжая шерсть переливалась на солнце, и Максим поймал себя на мысли, что рад её обществу. Лиса не задавала вопросов, не требовала объяснений – она просто была рядом, и этого было достаточно.

Первая ночь в пути прошла спокойно. Они разбили лагерь у небольшого ручья, развели костёр, поужинали дорожными припасами. Евдоким и Валерий взяли на себя дежурство – ветераны знали, что в дороге нельзя терять бдительность даже в мирное время. Максим сидел у огня и смотрел на танцующие языки пламени, вспоминая бабушку, которая осталась в «Горках». Клавдия Степановна. Единственная родственница, которая приняла его – почти чужого,

занявшего тело её внука, – и не задала лишних вопросов. Она учила его менталистике, открывала тайны рода Крыловых, защищала от врагов. И теперь она осталась одна в имении, которое едва не потеряли из-за долгов и интриг.

«Я вернусь, – пообещал он мысленно. – Я разберусь со всем и вернусь. Мы перевезём её в столицу, если она захочет. Или восстановим «Горки», сделаем их такими, какими они были при отце. Она заслуживает покоя».

Рядом с ним уселась Мария. Она протянула ему кружку с горячим травяным чаем, и Максим благодарно улыбнулся. Алиса свернулась калачиком у его ног и прикрыла глаза, но уши её двигались – она слушала ночной лес, готовая в любой момент предупредить об опасности.

– Ты слишком много думаешь, – сказала Мария тихо. – Я вижу по твоим глазам. Ты пытаешься решить все проблемы сразу, но так нельзя.

– Знаю, – он вздохнул. – Просто... слишком много всего навалилось. И я не знаю, что будет в Петербурге. Император... зачем я ему понадобился? Почему именно сейчас?

– Узнаем, когда доберёмся, – Мария положила ладонь на его руку. – А пока давай просто наслаждаться дорогой. Когда ещё мы будем путешествовать вот так, без спешки, без битв?

Максим усмехнулся. Она была права. Он слишком часто забывал о простых радостях, заикливаясь на опасностях.

Вадим сидел чуть поодаль и чистил свой рыжий меч. Огненный маг был спокоен – слишком спокоен, как показалось Максиму. Обычно Вадим не умел долго молчать, но сейчас он словно ушёл в себя, размышляя о чём-то своём. Максим не стал лезть к нему с вопросами – у каждого есть право на личное пространство.

Илья сидел на бревне и смотрел на огонь. Он не произнёс ни слова за весь вечер, и это было странно. Обычно бывший бандит пытался влезть в любой разговор, показать себя, доказать, что он не просто хулиган, а ценный член отряда. Но сейчас он просто сидел и молчал, иногда поглядывая в сторону Максима с каким-то нечитаемым выражением на лице.

«Что он задумал? – мелькнуло в голове Максима, но тут же исчезло. – Ладно, не буду его трогать. Если захочет – скажет сам».

На вторые сутки дорога пошла через открытые поля. Погода стояла ясная, ветер дул с юга, принося запах цветущих трав. Вадим наконец разговорился – он рассказывал о своей семье, о том, как его родители не хотели отдавать его в Академию, но он настоял.

– Они думали, что я буду фермером, точнее контролировать фермеров на наших землях, – усмехнулся он. – А я хотел быть магом. И стал. Хотя, наверное, мог бы и фермером – огонь для пашни тоже пригодился бы.

– Ты бы сжёг весь урожай, – засмеялся Максим. – Ты же плохо умеешь контролировать огонь, когда злишься.

– Неправда, я умею, – обиженно ответил Вадим. – Просто не всегда хочу.

Мария улыбнулась. Она любила эти разговоры – когда мужчины могут быть просто мужчинами, без масок и притворства. В Академии она была преподавательницей, строгой и серьёзной. Здесь, в дороге, она могла позволить себе быть обычной девушкой, которая путешествует с любимым человеком.

К вечеру они добрались до небольшого трактира на перекрёстке дорог. Евдоким предложил остановиться – лошади устали, да и людям не помешало бы поесть горячей пищи. Максим согласился. Трактир оказался старым, с облупившейся краской на стенах и покосившейся вывеской, но внутри было чисто и уютно. Хозяин – круглый краснолицый мужчина – встретил их радушно, быстро организовал ужин и ночлег для отряда.

За ужином Максим заметил, что Илья смотрит на него с каким-то странным выражением. Бывший бандит явно хотел что-то сказать, но не решался. Максим решил подождать – Илья заговорит сам, когда будет готов.

Алиса свернулась у ног Максима под столом, и хозяин трактира с удивлением смотрел на лису, которая вела себя как домашняя собака.

– Ваша? – спросил он.

– Наша, – ответил Вадим. – Очень умная, не кусается, если не трогать.

Хозяин пожал плечами и отошёл. Удивительно, но в этом мире лиса, бегущая вместе с отрядом, была не самым странным зрелищем. Маги, звери, странные происшествия – ко всему привыкаешь.

Ночью Максиму не спалось. Он вышел на улицу – подышать свежим воздухом, размять ноги. Луна стояла высоко, заливая двор серебристым светом. Алиса выскользнула следом и села рядом, глядя на него своими жёлтыми глазами.

– Ты тоже не спишь? – услышал он голос за спиной.

Обернулся. Илья стоял в дверях трактира, заложив руки за спину. Он выглядел нерешительным, словно ребёнок, который собирается попросить у родителей что-то запретное.

– Не спится, – ответил Максим. – Что-то не так?

Илья подошёл ближе и остановился в двух шагах. Алиса насторожилась, но не зарычала – она чувствовала, что угрозы нет.

– Я хотел сказать... – Илья начал и замолчал. Он хотел рассказать, зачем на самом деле поехал. Но в последний момент передумал. Потом снова заговорил: – Я не подведу.

– Знаю, – Максим кивнул.

Бывший бандит смотрел на Максима с такой странной смесью боли и решимости, что Максим почувствовал что-то похожее на уважение. Илья Шмелёв вырос за последние недели. Из хулигана и налётчика он превратился в человека, способного на поступки.

Он развернулся и ушёл в трактир. Алиса проводила его взглядом и тихо фыркнула.

«Занятно, – подумал Максим. – Илья Шмелёв решил стать героем. Посмотрим, что из этого выйдет».

На третьи сутки, когда солнце начало клониться к закату, на горизонте показался всадник. Он двигался быстро – намного быстрее обычного путника. Максим насторожился и незаметно положил руку на эфес шпаги. Алиса насторожилась, её уши встали торчком, а из горла вырвалось тихое рычание.

– Мария, – тихо позвал он. – Просыпайся.

Она встрепенулась и сразу поняла, что что-то не так. Отряд замер. Евдоким и Валерий уже держали руки на оружии, готовые в любой момент вступить в бой. Илья натянул поводья своей старой лошади, и та фыркнула, чуя волнение хозяина.

Всадник подъехал ближе, и Максим узнал форму: тёмно-синий мундир с серебряными нашивками, на груди – герб Магистрата. Те самые люди, что в Верхнем Новгороде пытали его, требуя подписать признание. Кровь застыла в жилах, рука сжала рукоятку шпаги. Максим приготовился к бою – если этот человек пришёл снова арестовать его, он не пойдёт добровольно.

Но всадник не выглядел враждебно. Он придержал коня в нескольких метрах от отряда и учтиво поклонился – низко, почтительно, словно перед равным. В его движениях не было угрозы, только желание показать уважение.

– Барон Крылов? – спросил он. Голос его был спокойным, приятным, располагающим к себе. Максим почувствовал, как напряжение в его плечах слегка ослабло. Это был не тот тон, которым говорят с врагами. Это был тон человека, который пришёл с миром.

– Да, это я, – ответил Максим, не убирая руки с эфеса. – Кто вы?

– Я – Антон Гаврилович Меньшиков, – представился всадник. – Глава Магистрата. Я принёс вам свои извинения.

От этого имени по отряду пробежала дрожь. Глава Магистрата. Тот самый человек, чьи подчинённые пытали Максима. Тот, кто, по идее, должен был быть его врагом. Но Меньши-

ков не выглядел врагом. Он выглядел как человек, который действительно сожалеет о случившемся.

Максим молчал, вглядываясь в лицо собеседника. Меньшиков оказался высоким худощавым мужчиной лет сорока с небольшим. У него было открытое лицо с мягкими чертами и добрыми глазами – умными, но без той хитринки, которую Максим привык видеть у чиновников. Он не выглядел как человек, способный отдавать приказы о пытках. Наоборот – от него исходило что-то тёплое, почти отеческое, что-то, что заставляло доверять с первого взгляда. У него была приятная улыбка, лёгкая, но не фальшивая, и в каждом его жесте чувствовалась искренняя доброжелательность.

«Какой приятный человек, – мелькнуло в голове Максима. – Совсем не похож на бюрократа. Как он вообще добрался до такой должности? Наверное, он из тех редких чиновников, которые действительно хотят делать добро и попали на свой пост случайно, вопреки системе».

Евдоким, однако, сохранял настороженность. Старый ветеран не доверял никому, особенно тем, кто носил форму Магистрата. Но он молчал, предоставляя Максиму право решать.

– Я понимаю ваше недоверие, – продолжил Меньшиков, и в голосе его звучала такая искренность, что Максим почти поверил ему. – Те события в Верхнем Новгороде – чудовищная ошибка. Мои подчинённые превысили полномочия. Действовали без моего ведома, руководствуясь собственной глупостью и жестокостью. Виновные наказаны, я лично проследил за этим. Я не прошу вас прощать меня, но прошу дать шанс исправиться.

Максим попытался применить дар – хотя бы уловить общий настрой собеседника, его эмоции, его искренность. Но ничего не вышло. Сознание Меньшикова было словно заперто на невидимый замок – гладкая, ровная поверхность, за которой ничего не чувствовалось. Однако Максим не придал этому значения. Мало ли у главы Магистрата амулетов защиты? В конце концов, не все обязаны подпускать менталистов к своим мыслям. И потом – Меньшиков выглядел настолько искренним, что Максим почти забыл о своей обычной подозрительности.

– Зачем вы здесь? – спросил он вслух, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Меньшиков улыбнулся, и улыбка его была тёплой, располагающей – такой, что хотелось улыбнуться в ответ. Она касалась глаз, делала его лицо ещё более открытым и дружелюбным.

– Я узнал, что вы направляетесь в столицу по вызову императора. Дорога небезопасна – бандиты, звери, недоброжелатели. Я подумал, что моё сопровождение может быть полезным. Магистрат обязан защищать благородных граждан, а я лично хочу загладить вину за ошибки моих подчинённых.

– Вы хотите присоединиться к нашему отряду? – удивилась Мария. Она уже проснулась и смотрела на Меньшикова с вежливым любопытством. В её глазах не было подозрения – только удивление, смешанное с лёгким восхищением. Глава Магистрата лично приехал, чтобы извиниться и помочь. Это было необычно.

– Если вы не против, – Меньшиков склонил голову. – Я не буду мешать. Просто поеду рядом, на безопасном расстоянии. Если что-то случится – помогу. А если нет – мы мирно доберёмся до Петербурга.

Максим задумался. Обычно он не доверял незнакомцам. Но Меньшиков внушал доверие. В нём чувствовалась какая-то основательность, надёжность, спокойная уверенность человека, который знает, что делает. И потом – отказывать главе Магистрата, когда тот сам вызвался сопровождать, было как минимум невежливо. Да и дополнительный союзник не помешает. В столице у Максима не было друзей, только враги и незнакомцы. А Меньшиков мог стать первым.

– Хорошо, – кивнул Максим. – Езжайте с нами. Но предупреждаю – я буду следить за вами. Не потому что не доверяю, а потому что так надо.

– Я и не ждал иного, – Меньшиков поклонился и развернул коня, чтобы занять место в арьергарде отряда. – Благодарю за доверие, барон. Я постараюсь его оправдать.

Илья переглянулся с Евдокимом. Ветеран едва заметно пожал плечами – он тоже не видел в Меньшикове ничего подозрительного. Максим заметил их взгляды, но не придавал им значения. Наверное, они просто не привыкли к людям в форме Магистрата после того, что случилось в Верхнем Новгороде. А Меньшиков казался таким приятным, что глупо было бы подозревать его в чём-то дурном.

Вадим подъехал ближе к Максиму и тихо сказал:

– Слушай, может, не надо? Я не доверяю этим чинушам.

– Он извинился, – ответил Максим. – И он глава Магистрата. Если бы хотел навредить, сделал бы это по-другому.

– Ты слишком доверчив, – покачал головой Вадим, но спорить не стал.

Максим улыбнулся. Доверчив? Возможно. Но Меньшиков выглядел настолько искренним, что сомневаться в нём было глупо.

– Ну что ж, – сказал он, поворачиваясь к отряду. – Поехали. У нас ещё несколько дней пути.

Они тронулись дальше. Меньшиков держался чуть позади, не мешая, но и не отставая. Время от времени он подъезжал ближе и перекидывался парой слов с Максимом – о погоде, о дороге, о видах. Ничего важного, ничего личного. Он не задавал неудобных вопросов, не лез в дела отряда, не пытался командовать. Он был идеальным попутчиком, который знает своё место и не выходит за его пределы.

И Максиму это нравилось. Он чувствовал себя в безопасности с этим человеком. Меньшиков был опытным, знающим, он мог дать дельный совет в любой ситуации. И при этом он не давил, не пытался казаться важным – вёл себя как равный.

Алиса, однако, относилась к Меньшикову настороженно. Лиса не рычала на него, но держалась подальше, всегда выбирая место с другой стороны от Максима. Она часто поглядывала на всадника в форме Магистрата и тихо фыркала.

«Животные чувствуют опасность, – подумал Максим, но тут же отогнал мысль. – Глупости. Она просто не привыкла к новому человеку».

Ночью у костра Максим смотрел на огонь и думал о столице, об императоре, о том, что ждёт его впереди. Рядом сидел Меньшиков – спокойный, молчаливый, созерцающий пламя. Максим поймал себя на мысли, что ему нравится это молчание. Оно не давило, не напрягало. Словно старый друг, с которым не нужно говорить, чтобы чувствовать себя комфортно.

– Вы много путешествуете, Антон Гаврилович? – спросил он просто чтобы поддержать разговор.

– Достаточно, – улыбнулся Меньшиков. – Должность обязывает. Но такие поездки, как эта, – редкость. Когда видишь, что люди, которым ты причинил зло, готовы дать тебе шанс – это дорогого стоит.

В его голосе не было фальши. Максим чувствовал – этот человек действительно раскаивается. Он не играет, не притворяется. И от этого самому Максиму становилось спокойнее. Он понял, что простил Меньшикова. Не за себя – за себя он ещё не мог простить, слишком свежи были воспоминания о пытках. Но за то, что тот приехал, за то, что не побоялся признать вину, за то, что попытался исправить ошибки своих людей. Это стоило уважения.

– Вы не виноваты, – сказал он. – Вы не знали.

– Значит, вы меня прощаете? – Меньшиков поднял на него глаза. В них было что-то трогательное, почти детское – надежда на то, что его поймут и примут.

Максим улыбнулся. Ему хотелось сказать «да», но что-то внутри заставило его промолчать. Пустяки. Наверное, просто устал. В конце концов, он ещё не до конца пришёл в себя после всех событий.

«Какой хороший человек, – подумал он. – Жаль, что таких мало в Магистрате. Если бы все чиновники были такими, империя была бы совсем другой».

Алиса сидела у его ног и смотрела на Меньшикова немигающим взглядом. Лиса не доверяла этому человеку, но Максим не обращал на это внимания. Животные – они же просто животные. Чего от них ждать?

Он лёг спать и уснул быстро, впервые за несколько дней без тревожных снов. Ему снилась бабушка, которая улыбалась ему из окна родового поместья, и Мария, которая держала его за руку и говорила, что всё будет хорошо. Алиса устроилась у его головы и всю ночь не сводила глаз с Меньшикова, который сидел у костра с закрытыми глазами – или притворялся спящим.

На четвёртый день пути погода испортилась. Небо затянуло тучами, подул холодный ветер, и стало ясно, что скоро начнётся дождь. Отряд ускорился, надеясь добраться до какого-нибудь укрытия, но через час хлынул ливень. Максим натянул плащ и приказал остановиться – ехать под таким дождём было небезопасно. Они нашли большой дуб, под которым можно было укрыться, и развели костёр с большим трудом.

– Долго ещё? – спросил Вадим, кутаясь в плащ. Он дрожал от холода, и Максим заметил, что огненный маг пытается согреться, но магия не помогает – слишком сыро.

– Ещё дней пять, если не будет задержек, – ответил Меньшиков. – Дорога хорошая, мы не отстаём от графика.

Он сидел у костра и спокойно грел руки. Дождь не задел его – он успел надеть непромокаемый плащ, и выглядел сухим и довольным. Максим снова подумал о том, какой же этот человек предусмотрительный и надёжный.

Илья, который сидел в стороне, вдруг сказал, ни к кому не обращаясь:

– Мы скоро будем в столице. И что тогда? Что мы будем делать, когда приедем?

– Узнаем, – ответил Максим. – Император сам скажет.

– А если он захочет тебя казнить? – Илья поднял на него глаза. – Ты подумал об этом?

Максим помолчал. Мысль о казни не приходила ему в голову – он слишком привык к тому, что император вызывает для важных дел. Но Илья был прав. Никто не знал, что ждёт их в столице.

– Если император захочет меня казнить, он найдёт причину, – сказал он спокойно. – Но я думаю, что он не для этого меня вызвал.

– Откуда ты знаешь? – упрямо спросил Илья. – Ты его не видел, ты не знаешь, что у него в голове.

Максим улыбнулся.

– Я менталист. Если он захочет меня казнить, я узнаю об этом до того, как он скажет. К тому же, когда хотят казнить не передают приглашение, а просто приводят в кандалах в нужное место.

Илья хмыкнул, но больше не спорил. Алиса тряхнула шерстью, отряхивая капли дождя, и прижалась к Максиму.

Дождь стих только к утру. Они снова тронулись в путь, и Максим чувствовал, что приближается что-то важное. Впереди был лес – густой, тенистый, с дорогой, которая сужалась и терялась между стволами. Максим подумал, что это идеальное место для засады, но тут же отогнал эту мысль. С ними Меньшиков, глава Магистрата. Кто осмелится напасть на такой отряд?

Однако чутьё не обмануло его. Лес встретил их тишиной – слишком глубокой, слишком неестественной. Птицы не пели, ветер не шевелил листву. Максим ощутил лёгкое беспокойство, но тут же приказал себе успокоиться. Мало ли – лес есть лес. Птицы иногда замолкают. Наверное, просто дождь напугал их.

– Приготовьтесь, – сказала Мария. Она тоже чувствовала что-то неладное. Женская интуиция, наверное. Но Максим не стал поднимать тревогу. Он доверял Меньшикову – если тот не беспокоится, значит, всё в порядке. Глава Магистрата наверняка знает, когда стоит волноваться.

Они проехали ещё с полверсты, и тогда увидели деревья. Два огромных ствола лежали поперёк дороги – свежие, срубленные совсем недавно. На срезах ещё блестела влага, кора была целой, не тронутая гнилью. Это была свежая работа, сделанная сегодня или вчера.

– Засада, – тихо сказал Евдоким. – Я же говорил, что здесь слишком тихо.

Максим положил руку на шпагу и огляделся. Из леса начали выходить люди – они появлялись из-за деревьев, из кустов, из-за камней, словно вырастая из земли. Их было человек пятнадцать, не меньше, и все были вооружены – кто топорами, кто мечами, кто самодельными копьями. Одежда разношёрстная, поношенная, но бандиты выглядели уверенными – не как случайная шайка, а как те, кто делает это не в первый раз. У некоторых были шрамы, у одного не хватало уха, у другого был выбит глаз. Они смотрели на отряд с хищным интересом, оценивая добычу.

Возглавлял их высокий мужчина. Он вышел вперёд и усмехнулся, обнажив жёлтые зубы. В его руке был большой топор, который он лениво перекладывал из руки в руку.

– Добрый день, господа, – сказал он, и голос его был грубым, но уверенным. – Дорога дальше платная. Заплатите – и мы уберём деревья. Не заплатите – придётся искать объезд.

– Объезд через лес, – добавил другой, усмехаясь. – Там водятся волки. Много волков. Голодных. Но если вы не боитесь, можете попробовать.

Максим спокойно посмотрел на разбойников. Он не чувствовал страха – только лёгкое раздражение. Ну вот, ещё одна задержка. А ведь они и так опаздывают из-за дождя. Император ждёт, а эти... эти просто тратят его время.

– Мы не будем платить, – сказал он холодно. – Уходите по-хорошему. Пока я не рассердился.

Разбойники засмеялись. Их смех был грубым, надменным, полным уверенности в своём превосходстве. Они не видели в отряде угрозы – всего несколько человек, женщина, старик, пара мальчишек. Лёгкая добыча.

– Слышали, парни? – крикнул одноглазый. – Он предлагает нам уйти по-хорошему! А что, если мы не хотим по-хорошему?

– Тогда вы пожалеете, – тихо сказал Максим.

Он не стал ждать, пока они нападут первыми. Взмах рукой – и воздух сгустился вокруг него. Ментальная магия хлынула наружу, направляясь прямо в сознание ближайших бандитов. Максим не убивал их – он просто заставлял их видеть то, чего нет: огромных волков, выходящих из леса, землю, разверзающуюся под ногами, собственные руки, покрывающиеся язвами. Иллюзии были настолько реальными, что разбойники не могли отличить их от правды.

Они замерли на мгновение, их глаза остекленели. А потом они начали кричать. Один бросил топор и упал на колени, закрывая голову руками. Другой начал биться в конвульсиях, словно его терзала невидимая боль. Третий побежал в лес, вопя что-то бессвязное. Четвёртый схватился за голову и забился в истерике.

– В атаку! – крикнул Евдоким.

Отряд рванул вперёд. Старый ветеран бился молча и жестоко – его меч двигался с той экономной точностью, которая приходит только с десятилетиями практики. Вадим применил огонь – струя пламени вырвалась из его ладони и опалила лица двоим нападавшим. Валерий держался рядом с Марией, прикрывая её от случайных ударов – княжеский боец знал своё дело.

Илья тоже сражался. Он дрался зло и яростно, словно пытаясь доказать что-то самому себе. Максим заметил, что Илья использует не только меч, но и кулаки – когда оружие выбили из рук, бывший бандит просто бросился на врага с голыми руками. Алиса металось между ног лошадей, кусая разбойников за ноги и заставляя их терять равновесие.

Максим не отставал. Он использовал ментальную магию волнами – накрывал сознания нескольких противников сразу, погружая их в панику. Но некоторые были устойчивы – то ли

с сильной волей, то ли с амулетами защиты. С ними приходилось работать точно, пробивая ментальные щиты по одному.

Битва была короткой. Разбойники не ожидали, что отряд окажется таким сильным. Те, кого Максим не успел обработать ментальной магией, быстро сдались под натиском Евдокима, Вадима и остальных. Остальные разбежались, бросив оружие. Через пятнадцать минут всё было кончено. Связанные разбойники сидели у дороги, и мрачно смотрели на свой разгром. Деревья оттащили в сторону, освободив проезд.

– В ближайшем городе я отправлю людей, чтобы убрали это безобразие, – сказал Меньшиков, подходя к Максиму. Он не участвовал в битве, но выглядел так, словно делал всё правильно. – Они получают по заслугам, можете не сомневаться.

– Благодарю, – Максим улыбнулся. Как хорошо, что с ними такой надёжный попутчик!

Он даже не заметил, что Меньшиков не вмешивался в битву. Подумаешь – чиновник, штабной человек. Он и не обязан сражаться. Его дело – организация. Он и так помогает отряду, просто по-своему.

Мария подошла и взяла его за руку.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Конечно, – Максим пожал плечами. – Пустяки.

Он не думал о том, почему разбойники напали именно в тот момент, когда с ними ехал глава Магистрата. Не думал о том, почему они выбрали эту дорогу, хотя могли ограбить кого-то побогаче. Не думал о том, почему Меньшиков смотрел на связанных бандитов с лёгкой усмешкой. Не заметил он и того, что некоторые из разбойников, прежде чем сдаться, бросили быстрый взгляд на Меньшикова – как будто искали у него одобрения или приказа.

«Простые разбойники, – решил он. – Ошиблись с жертвой. Бывает».

– Ты молодец, – сказала Мария, заглядывая ему в глаза. – Ты использовал магию так умело. Я даже не ожидала.

– Надо было быстрее закончить, – Максим улыбнулся. – Мы и так опаздываем.

Меньшиков стоял чуть поодаль и улыбался. Максим улыбнулся в ответ – приятно иметь такого друга.

– Я вижу, вы прекрасно управляетесь с магией, барон, – сказал Меньшиков, подходя ближе. – Император будет впечатлён.

– Надеюсь, – ответил Максим. – Поехали. До столицы осталось два дня.

Они тронулись дальше. Меньшиков по-прежнему держался чуть позади, и Максим чувствовал себя в безопасности. С главой Магистрата в попутчиках можно не бояться ни бандитов, ни проблем с законом. Спустя несколько дней, лес закончился, дорога снова вышла на открытое пространство, и впереди уже виднелись очертания города.

Алиса бежала рядом с его вороным и изредка поглядывала назад – на Меньшикова. Лиса не доверяла новому попутчику. Но Максим не замечал этого. Он смотрел вперёд, на шпили столицы, и думал о том, что всё наконец-то начинает налаживаться.

Вечером у костра, когда отряд остановился на ночлег, Максим сидел рядом с Меньшиковым. Они молчали, глядя на огонь.

– Антон Гаврилович, – сказал Максим. – Вы знаете, зачем император вызвал меня?

– Знаю, – ответил Меньшиков. – Но я не могу сказать вам сейчас. Когда приедем в столицу – всё узнаете. Там будет разговор. Не только с императором, но и с другими людьми.

– С кем?

– Узнаете, – Меньшиков улыбнулся той самой улыбкой – тёплой, располагающей. – Всему своё время, барон. Не торопитесь. У вас есть друзья, у вас есть сила. Всё остальное придёт.

Максим кивнул. Он доверял этому человеку. Меньшиков был похож на наставника, на мудрого старшего товарища, который хочет помочь. И Максим был благодарен ему за это.

«Хорошо, что он с нами, – подумал он, укладываясь спать. – С таким попутчиком я доберусь до столицы без приключений».

Алиса свернулась у его головы и закрыла глаза. Но она не спала. Она слушала дыхание Максима, дыхание Меньшикова, и ждала. Лиса знала – этот человек опасен. Но она не могла объяснить это своему хозяину. Он не слышал её. Он видел только то, что хотел видеть.

Утром они продолжили путь. До Петербурга оставалось несколько часов. Максим был спокоен и уверен. С ним были его друзья, его любимая, его верная лиса. И с ним был Антон Гаврилович Меньшиков – человек, которому можно доверять.

Он не знал, что за его спиной, Меньшиков улыбался – и в этой улыбке было больше холодного расчёта, чем добрых мыслей.

Глава 8. Большая кружка

В город они вошли на закате. Последние лучи солнца золотили шпили и купола, отражаясь в бесчисленных окнах и превращая столицу в город, сотканный из света и тени. Максим придержал вороного и замер, поражённый открывшимся зрелищем.

Санкт-Петербург встречал их величием. Широкие проспекты расходились от главной площади, как лучи от солнца, и каждый из них был застроен дворцами и особняками в европейском стиле – с колоннадами, портиками, лепниной и барельефами. Фасады сияли свежей краской – нежно-голубой, бледно-жёлтой, белоснежной, – и на каждом втором здании красовался государственный герб или герб знатного рода. Окна были высокими, арочными, с изящными наличниками, и кое-где за ними уже зажигали свечи, отчего столица казалась живым существом, готовящимся ко сну.

Каналы пересекали город, разделяя его на острова, и через каждый был перекинут мост – чугунный, ажурный, с чугунными же перилами, на которых застыли львы и грифоны. Вода в каналах была тёмной, почти чёрной, но в ней отражалось вечернее небо, и казалось, что город парит над бездной. Максим никогда не видел ничего подобного. Верхний Новгород был большим, но здесь всё дышало размахом, имперским величием, уверенностью в собственной вечности.

– Красиво, – выдохнул Вадим, тоже задержавшись. Его рыжий конь фыркнул, будто соглашаясь с хозяином.

– Столица, – коротко сказал Евдоким, но в голосе ветерана слышалась гордость. – Здесь всё по-другому. Не так, как в провинции.

Мария подъехала ближе к Максиму и коснулась его руки.

– Я знаю, что ты чувствуешь, – тихо сказала она. – Когда я впервые приехала сюда, я тоже не могла надышаться. Но привыкаешь быстро. Город затягивает.

Максим кивнул, но взгляда от столицы не оторвал. Он увидел огромное зелёное здание, растянувшееся вдоль набережной, с белыми колоннами и статуями на крыше. В прошлой жизни он многое знал об этом городе. Видел Петропавловскую крепость на Заячьем острове – её шпиль взмывал в небо, золотой и недосягаемый. Видел Исаакиевский собор, чей купол сиял под лучами заходящего солнца, и Адмиралтейство с его знаменитым шпилем, увенчанным корабликом. Но сейчас его восхищению не было предела. Город оказался просто великолепный. Настолько, что Максим на секунду отвлёкся от всех проблем и просто любовался.

Антон Гаврилович Меньшиков, ехавший чуть позади, наблюдал за реакцией Максима с лёгкой улыбкой. Мальчишка был впечатлён – и это было естественно. Петербург подавлял с первого взгляда, особенно тех, кто вырос в провинции. Но Меньшиков смотрел не на архитектуру. Он смотрел на Максима. На то, как тот сидит в седле – прямо, уверенно, по-хозяйски. На то, как его рука лежит на эфесе шпаги – не напряжённо, но готово. На то, как его глаза скользят по городу, отмечая каждую деталь, каждый возможный путь отхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.